

ГОЛЫЙ ОСТРОВ

Хорватский фоторепортаж

"...Разрушен опустевший город...
Земля опустошена в конец и совершенно разграблена; ибо Господь изрек слово сие...
...На земле народа моего будут расти терны и волчцы..."

Исаия

Еще раннее утро. Наш небольшой кораблик, набитый итальянцами, немцами и французами, сворачивает к острову Голый. Здесь находился когда-то лагерь политзаключенных, организованный вождем югославских народов Иосифом Тито по заразителному примеру другого Иосифа... Мутное солнце и безрадостного цвета море изо всех сил пытаются создать подходящее настроение. К счастью, мы пристанем сюда только на один час, и для всех нас этот остров в расписании экскурсии лишь необходимое зло, неловкий трюк устроителей, ненужная пауза. Главное – то, что потом: уже оплаченный обед в ресторане (поджаренные на гриле мясо или рыба) и знаменитая песчаная бухта... – и все, поглядывая на облака, надеются, что солнце все-таки не подведет, и тела уже предвкушают долгое купание в теплой воде и приятную распластанность на таком редком в Хорватии песке...

Уже с моря видны унылые бетонные строения. Мы причаливаем и гурьбой высыпаем на пристань, где нас встречает бесхитростный сувенирный лоток. Хочешь – покупай на память майку с названием острова, хочешь – изделие из глины, изображающее изможденного зека за решеткой, которого можно красиво повесить на стену, а то и маленькую, неловко стоящую фигурку того же заключенного с тем же номером на груди.

Наполовину моряк, наполовину так называемый экскурсовод быстро рассказывает о лагере сразу на трех языках, путая даты, из которых следует, что Тито поссорился со Сталиным уже после его смерти... Так или иначе, становится ясно, что Тито решил создать свой ГУЛАГ – без мудрого сталинского руководства но, судя по числу замученных, не хуже.

Еще один представитель незамысловатого бизнеса безуспешно пытается заманить хоть кого-нибудь на просмотр одиннадцатиминутного документального фильма об острове и его бывших обитателях, но мы уже двинулись в путь – никто из нас не намерен отвлекаться и размениваться на такие мелочи.

И вот мы у цели.

Приземистые строения разной величины, разваливающиеся почти что на глазах. Под ногами, ощерившись торчащими вверх острием гвоздями, снесенная временем и ветром деревянная крыша. Насквозь проржавевшая тачка огромных размеров, с резиновыми шинами, бесформенными и оплывшими, как циферблат с картины Дали. Пустота и запустение... Нет ничего, что помогало бы

определить назначение этих строений. Здесь были какие-то цеха? Здесь они работали? В этих печах, видимо, сжигали – что? Или?..

Ничего не осталось. Только ржавые трубы во все стороны, выломанные, готовые рухнуть в какой-то заранее предначертанный миг на головы очередным зевакам, которые пополнят безразличный реестр сгинувших здесь людей.

Ни могил, ни цветов, ни поминальной свечки, ни доски, ни обелиска... Только редкие, когда-то цветные, а теперь выцветшие и до камня вытертые лозунги на хорватском – что-то прославляющее Вождя и работу на чье-то благо, а поверх, кем-то из уцелевших – стихи про свободу, четко и размашисто, черной краской.

Как это непохоже на лагерь в Дахау, трогательно лелеемый и так заботливо ухоженный немцами, еще не до конца решившими, не превратить ли его в будущем в действующую модель!

А тут? Ничего, кроме пустоты, ни малейшего следа этих людей, мучеников и мучителей. Тоже мне памятник! Чему же? Неумолимости времени и распада?

Голый остров... И почему, собственно говоря, голый? Ведь там, за зоной, кустов и деревьев, вроде, хватает...

Оживленно фотографируя, мы движемся дальше. Надо успеть обежать все до конца и вернуться на пристань до отправления. Почувствовать страдания этих людей, видно, так и не удастся. Чертовски обидно. Потерянное время! Такое безразличие во всем, и снаружи, и внутри, во мне, как и во всех остальных. Забвение? Нет, беспамятство. Этих людей здесь больше нет, и следа их нет. Да их никогда и не было.

Моя дочка уже совсем не смотрит по сторонам и не забегает больше в пустынные полуобрушившиеся бараки. Она теперь снова занята своим любимым делом – ловлей обожаемых ею кузнечиков. Они, в общем-то, ничего не имеют против и никуда не собираются улетать, а с удовольствием греются от тепла ее рук.

...Дорога забирает все круче, все выше. Камни, одни камни, да колючий кустарник. Один неосторожный шаг – и моя любимая куртка порвана. Да как назло, на самом видном месте, у плеча. Вот досада! Настроение враз портится. А ведь день обещал быть таким приятным! Черт побери, ведь эту дырку жена потом тыщу лет не соберется заштопать. Напоминай ей теперь сто раз на дню!

Но вот и конец пути. Это еще что? На самом верху холма дорога упирается в какое-то каменное плато причудливой формы, во все стороны выгнутое и огороженное невысокой каменной стеной – то ли плац для парада в искривленном измерении, построенный в угоду патриотическому порыву какого-то шизофреника, то ли летное поле, сооруженное в рамках строго секретного проекта по контакту с вземными цивилизациями... Нет, ни за что не догадаться! Придется прибегнуть к услугам нашего провожатого – ведь для чего-то же он тащится там, позади.

Ах, вот оно что!..

Прошлое стремительно нагоняет и толкает в спину: это устройство для сбора дождевой воды. Другой у заключенных не было. Ее собирали по капле. В зоне, оказывается, морили не только голодом...

Но мы уже возвращаемся. Снова проходим по огромной пустынной площади. Кто выстраивался здесь? Лагерники или тюремщики? Прогоняли здесь кого-то сквозь строй? Что

отражали здесь бетонные стены – крики боли, натужный ор прапорщиков?

Только глухая тишина...
Голый, голый остров!

Ну, вот и все. Наконец-то все позади. Осталось только свернуть к пристани.

И тут... – тут нас оглушает стрекот. Такой, какого никто из нас никогда в жизни ни слышал. Миллионы обезумевших цикад. Они кричат со всех сторон – из травы, с кустов, с деревьев... Боже мой, как они кричат, как невыносимо пронзительно они кричат!..

«Ты слышишь, слышишь? – зовет дочка. – Это же кузнечики! Мои кузнечики! Это остров кузнечиков, целый остров! Тут раньше были люди. Теперь их нет. Вместо них здесь поселились кузнечики. Здесь теперь только одни кузнечики...»

Кырк-Мюнхен, 2005